

Хунчжан выглядел слабохарактерным деятелем минувшей эпохи<sup>158</sup>. Его время стремительно уходило в прошлое, на смену появились молодые и решительные политики, в глазах которых престарелый сановник не имел достаточного авторитета.

На такой, совсем не мажорной для Петербурга ноте завершился первый период переговоров о заключении сепаратного соглашения с Пекином (декабрь 1900 – март 1901 гг.). Российскому руководству пришлось проделать путь от иллюзии лёгкого закрепления за собой всего Северного Китая как сферы исключительного экономического господства до полного разочарования и понимания того, что и там России придётся столкнуться со своими конкурентами, которые были ещё и экономически значительно сильнее. Конечно, нельзя не признать, что китайцы повели себя в трудной ситуации весьма грамотно. Но они ведь не продемонстрировали ничего оригинального, приём сталкивать лбами потенциальных захватчиков уже неоднократно использовался Пекином. Вдвойне странно, что на эту удочку так легко попался С.Ю. Витте, который не мог не понимать, что конкуренты России на Дальнем Востоке не позволят ему с лёгкостью удалить их оттуда. И тем не менее, министр финансов не устоял перед соблазном решить задачи доминирования в Северном Китае совсем не экономическими методами. Многие за границей подчёркивали связь между действиями С.Ю. Витте в Китае и общей экономической ситуацией в России. Так, корреспондент «Times» 2 (15) марта 1901 г. сообщал из Вены, что России придётся идти на уступки в Китае из-за неудовлетворительного положения внутренних дел и финансовых проблем, так как Петербургу не удалось заключить очередной заём ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке<sup>159</sup>.

По большому счёту стремление С.Ю. Витте подкрепить договорными преимуществами желание экономически доминировать в Маньчжурии недвусмысленно свидетельствовало: министр финансов отдавал себе отчёт в том, что он не имел возможностей добиться этого иным путём. Все прежние рассуждения о том, что Китай должен быть «наш» в смысле экономическом оказались не более чем мечтами. Своевременное признание их невоплотимости позволило бы избежать большого числа ошибок. К сожалению, этого не произошло. С.Ю. Витте лишь ограничил размах своей активности Северным Китаем и перестал делать ставку на экономическую экспансию, так как у него не имелось достаточно денег. Министр финансов также был готов отказаться в случае необходимости от всего, кроме КВЖД.

### ***8.7. Местные китайские власти и выдача концессий***

Одновременно с общими переговорами двух правительств в начале 1901 г. активно продолжались контакты на более низком, местном уровне,

<sup>158</sup> Там же. С.596–597.

<sup>159</sup> РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.198. Л.94.

между губернаторами и российскими официальными лицами, в основном вокруг концессий. С.Ю. Витте относился к этому с подчеркнутой прохладцей. От лица его «империи» действовали Д.Д. Покотилов (Русско-Китайский банк) и А.И. Югович (КВЖД), придерживавшиеся разной тактики. Если Д.Д. Покотилов предпочитал использовать подставных лиц и интересовался в основном золотыми месторождениями, то А.И. Югович работал на дорожку, подыскивая концессии, необходимые для её функционирования (уголь, лес). Однако общий размах их деятельности оказался небольшим: банк присматривал себе девять концессий, а дорожка – всего одну (уголь в Мукденской провинции).

Наибольшую активность в добыче концессий проявляли не агенты Министерства финансов, а дипломаты и военные. Так, в Гиринской провинции переговоры вёл представитель МИД В.Ф. Люба. Он добился многого, особенно в укреплении позиций Русско-Китайского банка. В начале 1901 г. В.Ф. Люба ходатайствовал об открытии гиринского монетного двора под контролем агентов банка. В провинции оживилась финансовая деятельность, возобновился обмен русских денег на китайские, причём местные торговцы принимали, как раньше, российские кредитные билеты<sup>160</sup>. Правда, В.Ф. Люба опасался монополии банка: он полагал, что это могло бы привести к устранению частных предпринимателей<sup>161</sup>. Его сомнения лишь усилила просьба китайской администрации о займе в 1 млн. лан. Но С.Ю. Витте разрешил выдать лишь 500 тыс. лан и исключительно на выкуп оружия у распущенной китайской армии<sup>162</sup>. 2 марта 1901 г. гиринский цзянь-цзюнь подписал с В.Ф. Любой предварительное соглашение о золотых приисках, которое, правда, ещё следовало утвердить в Пекине<sup>163</sup>. В нём китайский губернатор признавал преимущественное право Русско-Китайского банка на получение всех концессий в провинции и обязался предоставлять права на их разработку только русским и китайцам за плату в 15% от валовой добычи<sup>164</sup>. Однако вскоре выяснилось, что китайские власти не соблюдают соглашение и выражают явное стремление освободиться от обязательств по отношению к русским предпринимателям,

<sup>160</sup> Телеграмма В.Ф. Любы И.Я. Коростовцу 3 января 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.1–2.

<sup>161</sup> Телеграмма В.Ф. Любы Е.И. Алексееву 20 февраля 1901 г. // Там же. Л.5; Романов Б.А. Указ. соч. С.371.

<sup>162</sup> В.Ф. Люба – Е.И. Алексееву 24 февраля 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.6–7.

<sup>163</sup> Оно было подтверждено богдыханом летом 1901 г. (В.Ф. Люба – в МИД 3 июля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.775. Л.112).

<sup>164</sup> Предварительное соглашение между В.Ф. Любой и гириным цзянь-цзюнем о предоставлении русским подданным права на разведку и разработку приисков и копей в Гиринской провинции 2 марта 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.27–28.

чтобы передать их права китайцам. В ответ Русско-Китайский банк стал подыскивать подставных лиц, но дело шло, по признанию Д.Д. Покотилова, туго, банк в этом не преуспел<sup>165</sup>.

Такой же договор В.Ф. Люба планировал заключить с хэйлунцзянским цзянь-цзюнем, несмотря на сильное недовольство Ли Хунчжана, который обуславливал подобные действия наличием общего соглашения между Пекином и Петербургом<sup>166</sup>. Интересно, что в тот момент в унисон с Ли Хунчжаном в этом вопросе действовал С.Ю. Витте. Министр финансов настаивал на запрете золоторазведочных работ в Маньчжурии под предлогом, что присутствие охраны из солдат создавало почву для конфликтов. По его мнению, следовало сначала договориться о судьбе Маньчжурии в целом<sup>167</sup>. Реально он скорее всего опасался, что не сможет контролировать золотопромышленность в Северном Китае.

Тем не менее, Н.И. Гродеков разрешил вооружать рабочих разведовательных партий<sup>168</sup>, а чиновник Министерства иностранных дел Н.Н. Кротков сделал то, что не удалось В.Ф. Любе – заключил предварительное соглашение с хэйлунцзянским цзянь-цзюнем о золотых разработках. Этот договор отличался от того, который подписал В.Ф. Люба в Гирине. Самое главное – в нём не настаивалось на выдаче прав на разведку и разработку месторождений только русским или китайцам, не было также пункта об обязательном предоставлении концессий через Русско-Китайский банк<sup>169</sup>. Несмотря на такие условия, Ли Хунчжан злобно брюзжал по поводу этого документа и обвинял Н.Н. Кроткова в подкупе цзянь-цзюня и его окружения, «которым прямо и открыто отведён известный доход» с золотых приисков<sup>170</sup>. Понятно, что опротестовать такое соглашение, апеллируя к иностранцам, было бы затруднительно; показательно, что Пекин не признал его.

В Мукденской провинции цзянь-цзюнь Цзен Ци после скандала 1900 г. опасался любых договорённостей и избегал контактов. Представитель Русско-

<sup>165</sup> Отчёт Д.Д. Покотилова о деятельности агентов Русско-Китайского банка по приобретению концессий на эксплуатацию горных богатств в Маньчжурии 9 июля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.207. Л.99 об.

<sup>166</sup> В.Ф. Люба – М.Н. Гирсу 26 апреля 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.34–35. В негативном отношении Ли Хунчжана к возможному договору могли сказаться и личные интересы китайского сановника, так как большинство известных месторождений Хэйлунцзянской провинции принадлежали лично ему.

<sup>167</sup> Резолюция С.Ю. Витте на письме В.Н. Ламздорфа 8 июня 1901 г. и его ответное письмо 13 июня 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.775. Л.82, 89.

<sup>168</sup> В.Ф. Люба – в МИД 9 июня 1901 г. // Там же. Л.95.

<sup>169</sup> Предварительное соглашение хэйлунцзянского цзянь-цзюня с Н.Н. Кротковым о разведке и разработке русскими золота 10 июля 1901 г. // Там же. Л.144–147.

<sup>170</sup> Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 19 октября 1901 г. // Там же. Д.776. Л.19.

Китайского банка в Мукдене И.А. Незабытовский из-за этого действовал в основном через подставных лиц и ему удалось добыть 14 разрешений на золоторазведку. В мае 1902 г. цзянь-цзюнь получил, наконец, подтверждение своих полномочий из Пекина и приступил к выдаче концессий. Делал он это без всякого нажима, так как с помощью их отчитывался перед центральным правительством: концессии приносили рабочие места, заработок населению и в этом отношении приветствовались властью. Одновременно он не забывал и свои интересы: за каждую концессию на его личный счёт в одном из китайских банков переводилось 5–10 тыс. лан<sup>171</sup>.

Ситуация в Мукденской провинции была типичной для всей Маньчжурии: местная администрация, хотя и казалась податливее, чем пекинские власти, тем не менее, также не спешила передать русским все возможные права, желая получить за это деньги. Д.Д. Покотилов отмечал «нежелание цзянь-цзюней предоставлять обширные концессии в целых округах», они требовали точной локализации местности и вида полезного ископаемого. Но чтобы придерживаться таких условий, Русско-Китайский банк не располагал необходимыми возможностями для концентрации значительного числа небольших концессий в своих руках<sup>172</sup>. Кроме того, курс на заключение отдельных соглашений с представителями местной администрации, в которых провозглашались не только экономические преимущества русских, но и ограничения в действиях китайских властей, вызывал ассоциации с установлением протектората «де факто»<sup>173</sup>.

Для большего успеха «русского дела», по мнению некоторых лиц, следовало бы допустить к концессиям в Маньчжурии не только тех, кто считался «солидными» предпринимателями, а всех желающих, пусть и с сомнительной репутацией. Именно такое решение предложил А.Н. Куропаткин, его поддержали Н.И. Гродеков и В.Ф. Люба<sup>174</sup>. Тем более, что российские старатели и без всяких разрешений хлынули в Маньчжурию, и на китайских золотых месторождениях появилось множество явочных столбов с русскими фамилиями<sup>175</sup>. Однако министр финансов отказался поддержать подобные действия. Будущее показало, что он по большому счёту не ошибся: надежда на русскую золотую лихорадку оказалась напрасной. Через год тот же В.Ф. Люба констатировал полную неудачу русских золотодобытчиков. К 1902 г. им уда-

---

<sup>171</sup> Отчёт Д.Д. Покотилова о деятельности агентов Русско-Китайского банка по приобретению концессий на эксплуатацию горных богатств в Маньчжурии. 9 июля 1902 г. // Там же. Д.207. Л.96–100.

<sup>172</sup> Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 8 мая 1902 г. // Там же. Д.16. Л.2.

<sup>173</sup> Романов Б.А. Указ. соч. С.295; Quested R.K.I. Op. cit. P.69–88.

<sup>174</sup> А.Н. Куропаткин – С.Ю. Витте 9 июня 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.776. Л.98.

<sup>175</sup> В.Ф. Люба – в МИД 4 июня 1902 г. // Там же. Д.775. Л.91.

лось получить 11 официальных разрешений на ведение золотодобычи (6 – в Хэйлунцзянской провинции, 5 – в Гиринской)<sup>176</sup>. Наиболее крупные из них – Н.В. Асташев, получивший концессию на разработку золота ещё в 1899 г.<sup>177</sup>, Российское золотопромышленное общество и Верхне-Амурская компания – вели себя крайне пассивно и медлительно. Китайцы ожидали от них бурной деятельности, значительных вложений, что дало бы заработки для местного населения и пополнило казну. «На деле оказалось: мелочничество и грошовая экономия на миллионном деле, требующем единовременно крупных затрат, бездеятельность и стремление оттянуть время разведок на возможно долгий срок». Следствием этого стало недовольство русскими местными властями и «вызывающе-озлобленное отношение китайцев»<sup>178</sup>.

Круг опять замкнулся: и на местном уровне использование договоров для закрепления за собой концессий оказалось недостаточно эффективным. Общее число концессий, которые попали в руки Русско-Китайского банка, составило примерно полтора десятка, они не сыграли важной роли в укреплении русских позиций в Маньчжурии. Да и Пекин нашёл противоядие таким действиям: в 1902 г. Китай принял новые горные правила, существенно затруднившие добычу минеральных богатств иностранцами. Выдача концессий была изъята из ведения местных властей и сосредоточена в столице в Министерстве иностранных дел (Вай-ву-бу)<sup>179</sup>. Получатель концессии не имел права перепродавать её без согласия ведомства, устанавливался универсальный сбор за использование недр: уголь – 5%, нефть и металлы – 10%, золото, серебро, цинк и ртуть – 15%, драгоценные камни – 25%. В случае вывоза добытого за границу предприниматель оплачивал ещё и таможенный сбор. И такое разрешение выдвалось сроком всего на один год<sup>180</sup>. Вдобавок к этому Пекин в 1901–1902 гг. принял решение активизировать китайскую колонизацию Маньчжурии<sup>181</sup>. Китайское переселение начало захватывать и русские области на Дальнем Востоке, создав почву для заявлений о растущей «жёлтой опасности», немедленно связанной со строительством КВЖД и освоением Маньчжурии<sup>182</sup>. Получалось, что С.Ю. Витте своей неудачной политикой не только не добился положительных результатов, но и создал угрозы собственно русским территориям.

<sup>176</sup> Там же. Л.168 об.

<sup>177</sup> Пояснительная записка Н.В. Асташева к его прошению на имя министра финансов 4 августа 1900 г. // Там же. Л.5–7.

<sup>178</sup> В.Ф. Люба – в МИД 28 марта 1902 г. // Там же. Д.776. Л.78–82.

<sup>179</sup> Вай-ву-бу было учреждено вместо цзун-ли-ямыня (коллегии по иностранным делам) 24 июля 1901 г.

<sup>180</sup> Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 23 марта 1902 г. // Там же. Д.15. Л.285–290.

<sup>181</sup> Добролюбовский И.А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Харбин, 1906; Болобан А.П. Земледелие и хлебопромышленность в Северной Маньчжурии. Харбин, 1909 и др.

<sup>182</sup> Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912 и др.